

ЛАРС СВЕНДСЕН

ФИЛОСОФИЯ

СКУКИ

Ларс Свендсен

Философия скуки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2684385

Философия скуки. Пер. с норв. К. Мурадян.: Прогресс-Традиция;

Москва; 2003

ISBN 5-89826-161-3

Аннотация

Что такое скука, когда она возникает, что у нее общего с меланхолией и депрессией, можно ли ее преодолеть волевым актом или превратить в источник вдохновения? На эти и многие другие вопросы пытается ответить норвежский философ Ларс Свендсен, в своем трактате «Философия скуки». По мнению автора, столь многосторонний феномен, как скука, изучен мало, хотя скука – состояние, в котором мы часто пребываем, но редко о нем размышляем. Это своего рода фундаментальный экзистенциальный опыт. В книге «Философия скуки» цитируются тексты из разных источников – философских исследований, произведений художественной литературы, из трактатов по психологии, теологии и социологии.

Содержание

Введение	4
Проблема скуки	9
Скука как философская проблема	9
Скука и современность	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ларс Свендсен

Философия скуки

И в бездонном океане удовольствий, и в бездне познания тщетно искал я, где бросить якорь. Я почти покорно следовал непреодолимой силе, и вкушал одно удовольствие за другим, и испытывал своего рода эрзац восторга.

И я также испытывал скуку, разрывающую душу. Я вкусил плодов от древа познания, и вкус их часто нравился мне. Но радость длилась лишь мгновение и не оставила глубокого следа во мне. Мне кажется, я не испил чашу мудрости, но она выскользнула из рук и разбилась.

Сёрен Киркегор. Гиллелейе, 1 августа 1835 года

Введение

Я написал это эссе во время творческой паузы. Точнее, вместо того, чтобы предаться полному безделью. Завершив долгосрочный научный проект, я мечтал о полном ничегонеделанье, но это оказалось абсолютно невыполнимым занятием. Так что я оказался совершенно непригоден к состоянию полного безделья. Поэтому я все-таки решил, что должен «что-то» сделать, и в результате возникло нижеследующее эссе.

Мы часто сталкиваемся с понятиями, которые недостаточно разработаны и потому задевают нас. В сущности, к числу подобных понятий относится скука. Понятие скуки похоже на пустой ярлык, который обычно клеится на все, что с трудом поддается определению. Скука – это прежде всего состояние, в котором мы пребываем, при этом редко о нем размышляя. Но почему бы нам не попытаться обозначить понятие скуки, чтобы лучше понять, что же такое скука, что она значит для нас и как она захватывает нас в свои тиски?

В этом эссе я попытаюсь объяснить, что такое скука, как и откуда она возникает, а также перечислить причины, почему ее нельзя преодолеть волевым актом.

Любое исследование подобного феномена может показаться односторонним, потому что все стороны жизни сводятся лишь к одному – в данном случае к скуке. Так что мне следует уточнить: в настоящей книге все вопросы сконцентрированы вокруг скуки, хотя абсолютно очевидно: скука – всего лишь один из аспектов бытия. Естественно, я не склонен считать, что все существование исчерпывается скукой.

Я размышлял о том, в какую именно форму следует облечь тему, которую я решил исследовать. Например, я как-то начал читать некий философский опус о любви. И там несколько раз всплывала такая формулировка: «Боб любит Кейт, если, и только если...» Нет уж, увольте – дальше читать я не смог. Совершенно очевидно, что столь формализованная точка зрения на любовь абсолютно неприемлема, не го-

воря уже о том, что при подобном подходе исследуемый феномен, скорее всего, остался вне поля зрения автора. Так что пусть читатели не ждут от меня формулировок типа «Перскаучает потому, и только потому что...».

Еще Аристотель писал, что нам не дано достичь одинакового уровня точности в изучении всех предметов, но мы обязаны стремиться к максимальному уровню точности, насколько это позволяет сам предмет.

Скука – весьма неопределенный и в то же время многосторонний феномен, и я подумал, что эссе – более подходящая форма для ее исследования, чем строгая аналитическая монография. Поэтому я решил, что не аргументированные наукообразные выкладки, а скорее серия эскизов поможет приблизиться к пониманию скуки. Столь многосторонний феномен требует рассмотрения с самых разных, порой парадоксальных точек зрения. Так что я буду привлекать тексты из разных источников – философских исследований, произведений художественной литературы, из трактатов по психологии, теологии и социологии.

Итак, эссе состоит из четырех частей:

1. Проблема скуки
2. История скуки
3. Феноменология скуки
4. Мораль скуки

В первой части даны развернутые описания разных аспектов скуки в контексте новейшего времени. Во второй части

изложены истории, имеющие отношение к скуке. Основной тезис: романтики создали идейно-историческую основу для понимания современной скуки. Третья часть сфокусирована на феноменологических исследованиях скуки в произведениях Мартина Хайдеггера. И наконец, в четвертой части я пытаюсь прояснить, как человек относится к скуке, а также то, как ему удастся ее избегать или преодолевать. Разумеется, все четыре части исследования взаимосвязаны, и в то же время их можно читать по отдельности, поскольку они относительно независимы друг от друга.

Вначале я пытался излагать свои идеи по этой многогранной теме популярным языком, таким образом, чтобы меня могли понять не только философы, но и широкий круг читателей. Тогда выяснилось, что многие простые на первый взгляд вещи не так-то легко объяснить, не впадая в вульгарные упрощения. Так что некоторый инструментарий мне приходилось изобретать самому.

Текст снабжен большим количеством примечаний, и, поскольку многие сноски содержат ссылки на литературные и иные произведения, я предпочел расположить их в конце книги. Эти ссылки могут также стать своеобразным путеводителем по теме. Чаще всего цитируются норвежские источники. Все остальные цитаты приведены в моем переводе. Я бы охотно составил весь текст из цитат. Между прочим, Вальтер Беньямин собирался написать именно такую книгу. А Роберт Бёртон даже почти реализовал эту идею в книге

«Анатомия меланхолии». Но у меня все-таки накопились и собственные соображения по сформулированной теме.

В силу разных обстоятельств «Философия скуки» была написана в относительно сжатые сроки, так что, возможно, многие фрагменты читатель сочтет чересчур упрощенными. Комментарии друзей и коллег оказали мне неоценимую пользу. Я бы хотел выразить им свою благодарность, и в не меньшей степени за то, что они терпели меня в тот период, когда я не мог говорить ни о чем ином, кроме скуки. Особую благодарность я хотел бы выразить Столе Финке, Эллен-Мари Форсберг, Анне Гранберг, Хельге Йордхейм, Томасу Нильсену, Хильде Норргрен, Эрику Торстенсену и Кнуту Улафу Омосу за их ценные замечания к книге.

Проблема скуки

Скука как философская проблема

Каждый философ хотя бы однажды пытается ответить на «великие вопросы». А иначе, собственно, какой смысл приступить к изучению философии?

Один из таких великих вопросов и есть, на мой взгляд, скука. Анализируя феномен скуки, мы постигаем многое из основ и условий нашего бытия. Мы не должны или не можем, в сущности, избегать вопроса о том, что есть бытие. Есть множество поводов и причин, чтобы задуматься над смыслом собственного существования. Да и само по себе существование – уже повод для того, чтобы задуматься. Скука – это своего рода экзистенциальный фундаментальный опыт. Как пишет Йон Хеллеснес: «Скука – один из самых животрепещущих моментов нашего бытия»¹.

Великие вопросы не всегда идентичны вечным вопросам. Скука стала одним из важных культурных феноменов всего лишь каких-нибудь пару веков назад. Конечно, невозможно с абсолютной точностью установить время возникновения скуки как феномена, а также время, когда появились ее адепты. Но примечательно, что скука – типичный феномен

новейшего времени. Ее адепты – благородные и духовно развитые – считают себя избранной и малочисленной кастой, в то время как скука – довольно емкий и сущностный феномен современного западного мира.

Традиционно скука рассматривается как феномен, более или менее случайный для человеческой природы, но я бы оспорил этот тезис – он базируется на в высшей степени сомнительных представлениях о человеческой природе. Можно столь же уверенно утверждать, что скука вообще присуща человеческой природе, но в таком случае нам придется вникать в термин «человеческая природа». Если же нам придется объяснять, что такое человеческая природа, то следует прекратить всякие дальнейшие дискуссии. Ибо, как указывает Аристотель, мы прежде всего должны уделять внимание тому, что подвержено изменениям². Если же мы придерживаемся постулата «человеческая природа», значит, мы в принципе утверждаем, что она не может изменяться. Было бы очень заманчиво также придерживаться постулата об абсолютно нейтральной человеческой природе, которая расположена как к печали, так и к радости, как к энтузиазму, так и к скуке. В таком случае причина скуки будет корениться исключительно в социальном окружении индивида.

Кстати, я не считаю, что можно провести четкую грань между психологическим и социальным аспектами феномена скуки, и вульгарный социологизм здесь так же неприемлем, как и вульгарный психологизм. Поэтому я предпочитаю

таю рассматривать предмет в идейно-исторической и феноменологической перспективе. Ницше утверждает, что «наследственная ошибка философии» заключается в том, что она рассматривает человека в определенном контексте времени и возводит эти выводы в ранг вечных истин³.

Поэтому я ограничусь констатацией факта: скука – потенциально сложный серьезный феномен, который вмещает многие аспекты. Аристотель писал, что добродетель не естественна, впрочем, она и не противоестественно⁴. То же самое относится и к скуке. К тому же исследования феномена скуки проводятся обычно без учета определенных антропологических констант, то есть величин, независимых от специфики социального или исторического пространства.

Я пытаюсь исследовать человека в определенной исторической ситуации. Я пишу, собственно, обо всех нас, о тех, кто живет в тени романтизма, о неисправимых романтиках, которые, впрочем, уже утратили гиперболизированную веру романтизма в способность фантазии преобразовать мир.

Любая мало-мальски серьезная философская система должна содержать существенный момент самопознания, хотя это не значит, что она обязана быть исповедальной, по модели «Исповеди» Августина. Многие спрашивали меня, не потому ли я взялся за эту тему, что сам испытывал состояние непреходящей скуки. Но мне все же кажется, что мои личные ощущения не представляют особого интереса для читателей?. Я воспринимаю философию не как акт ис-

поведи, а скорее как движение к истине, которая, впрочем, всегда – всего лишь временная инстанция. И при этом не теряю надежды, что любые, даже самые незначительные, открытия существенны и для других. С точки зрения философии мои личные установки не существенны, хотя, конечно же, для меня они важны.

Я провел небольшой частный, далекий от научной полноты опрос среди коллег, студентов, друзей и знакомых. Многие отвечали, что затрудняются ответить, испытывали ли они чувство скуки. Некоторые отвечали утвердительно, другие отрицательно, но лишь один из опрошенных утверждал, что он никогда не испытывал чувства скуки. Тем читателям, которые, возможно, не испытывали чувства скуки, я рискнул бы намекнуть, что чувство скуки феноменологическим образом родственно бессоннице, когда «я» теряет идентичность в темноте, охваченное внешне бесконечным «ничто». Например, человек пытается уснуть и уже приближается к состоянию сна, но сон минует его, и он попадает в страну пустоты, куда-то между явью и сном.

В «Книге неуспокоенности» Фернандо Пессоа пишет:

Есть ощущения, которые напоминают сон, состояния, которые окутывают душу, как туман, чувства, которые не позволяют ни думать, ни действовать, ни даже существовать каким-либо ясным и отчетливым способом. Нечто призрачное повисает в нас, так что мы всю ночь лежим без

сна, и дневная солнечная дремота разогревает поверхность оцепеневших чувств. Чувство бытия – не опьянение, а воля – это ушат, который опрокинут в саду навзничь небрежным пинкам ног⁶.

Скука Пессоа откровенна и при всей своей бесформенности очевидна. То, что, по сути, лишь немногие могут четко ответить, испытывали ли они чувство скуки или нет, не противоречит природе вещей. Прежде всего, настроения обычно редко являются интенциональными объектами для нас. То ли скука пребывает внутри нас, то ли мы – внутри нее. Для некоторых скука – это настроение, отмеченное отсутствием качеств, что делает ее еще более ускользающим, по сравнению с большинством других, состоянием. Герой книги Жоржа Бернаноса «Чудо в пустых руках» – сельский священник – истощающим образом описывает скрытую деструктивность скуки.

Итак, я сказал самому себе, что люди чахнут от скуки. Разумеется, человек должен понемногу с ней справиться, но он видит ее не сразу. Скука как своего рода пыль. Человек передвигается, не замечая ее, вдыхает ее, ест и пьет ее, и она настолько легка и неуловима, что он просто заглатывает ее. Но если остановиться на мгновение, то можно обнаружить, что слой скуки покрыл лицо и руки. Так что следует непрерывно стряхивать с себя этот пепельный дождь.

*Именно поэтому люди охвачены тревогой*⁷.

Итак, мы пришли к выводу – человек может испытывать чувство скуки, причем невидимой, беспричинной. Те, кто, отвечая на мой вопросник, утверждали, что они испытывали чувство скуки, как правило, не могли толком объяснить, по какой причине. Они не могли ни сказать, ни даже намекнуть, что именно тревожит их. Но это была безымянная бесформенная беспредметная безликая скука.

Фрейд, между прочим, утверждал, что меланхолию и печаль объединяет ощущение утраты. Но тот, кто печалится, всегда знает, что именно он потерял, у меланхолика же печаль обычно беспричинна и безадресна⁸.

Метод интроспекции имеет явные ограничения в исследовании феномена скуки. Поэтому я предпочел отобрать некоторые тексты из философских и литературных источников. Я рассматриваю литературу как ценнейший источник для культурно-философских исследований, столь же насущный, как и научные работы – для чисто философских изысканий. Кстати, как правило, и художественная литература, и философские исследования носят более просветительский характер, чем количественная социология или психологические изыскания.

Многие исследования по обозначенной теме сфокусированы на том, как дефицит или переизбыток эмоций стимули-

руют скуку⁹. Следует отметить, что исследование столь комплексного феномена, как скука, весьма обогащает интеллектуальный багаж и носит просветительский характер. Как заметил некий психоаналитик: «В сущности, мы должны обсуждать не скуку, а скуки. Ведь само по себе это понятие вмещает множество чувств и настроений, которые сопротивляются анализу»¹⁰.

Часто утверждают, что примерно десять процентов всего населения Земли в той или иной степени страдает депрессией на протяжении жизни. Это весьма приблизительная статистика, но цифра кажется весьма вероятной. Так в чем же заключается разница между скукой и депрессией? На мой взгляд, эта разница порой почти неуловима. Я считаю также, что почти сто процентов людей время от времени страдают от скуки. Под скукой я подразумеваю, конечно, не только персональную идиосинкразию. Скука – слишком многосторонний феномен, чтобы охарактеризовать его таким образом. Скука – это не только внутреннее состояние, но также свойство окружающего мира, ведь нам приходится играть социальные роли, буквально наводящие скуку. Временами кажется, что весь западный мир превращается в Бергхоф – в санаторий, где Ганс Касторп, герой романа Томаса Манна «Волшебная гора», провел семь лет. Мы убиваем время и смертельно скучаем. Так что Байрон, вероятно, был прав, утверждая: «Выбор невелик, либо самому испытывать скуку,

либо наводить скуку»¹¹

Мой импровизированный опрос показал, что мужчины чаще, чем женщины, жалуются на скуку. И вообще, согласно некоторым психологическим исследованиям, мужчины больше страдают от скуки, чем женщины¹². (Кстати, эти же исследования подтверждают тезис Шопенгауэра о том, что возраст и чувство скуки находятся в обратно пропорциональной зависимости друг от друга, а именно: чем старше человек, тем меньше он страдает от скуки¹³. Впрочем, я и сам не смог бы толком объяснить, почему так происходит. Вполне возможно, что женщины в меньшей степени, чем мужчины, подвержены скуке, но похоже, что продолжительность скуки примерно одинакова у тех и у других. Возможно, женщины в целом ориентированы на иные критерии и источники информации, чем мужчины, и потому в меньшей степени подвержены разным культурным эксцессам, которые инициируют скуку. Впрочем, я, как уже было сказано, так и не нашел удовлетворительного объяснения этим гендерным различиям по отношению к скуке. Ницше, например, тоже утверждал: женщины меньше страдают от скуки, чем мужчины, и объяснял это обстоятельство тем, что женщины так и не научились усердно трудиться¹⁴. Тезис, который, впрочем, представляется более чем сомнительным.

На мой взгляд, Киркегор преувеличивает, когда утверждает «Скука – источник всякого зла»¹⁵. Но скука во многом

способствует злу. Я не думаю, что многие убийства совершаются на почве скуки, все-таки чаще всего убийства совершаются в состоянии аффекта. Хотя многие преступления, в том числе убийства, часто совершаются на почве скуки.

Я не взял бы на себя смелость утверждать, что войны начинаются из-за скуки. Но факты таковы, что начало войн почти всегда сопровождается вспышкой энтузиазма, толпы, охваченные эйфорией, наводняют улицы, и создается такое впечатление, словно люди празднуют конец монотонной повседневности. В качестве примера можно привести Первую мировую войну или войну на Фолклендских островах. Йон Хеллеснес исчерпывающим образом описал этот феномен¹⁶. Проблема же, однако, заключается в том, что война не просто сама по себе убийство, но в том, что она довольно скоро превращается в источник убийственной скуки. Можно вспомнить Эзру Паунда: «Бессмысленные войны – многовековая скука»¹⁷.

В романе «Волшебная гора» Томаса Манна вспышка войны внезапно пробуждает Ганса Касторпа от семилетнего сна, в который его погрузила пучина скуки, но при этом совершенно очевидно, что скука скоро вновь овладеет им.

Пытаясь найти какие-либо позитивные черты скуки, социолог Роберт Нисбет утверждает, что скука – не только корень многих зол, но она может также покончить со злом, с разными его проявлениями по той простой причине, что дальше будет еще скучнее. В качестве примера он приводит

эпизоды сожжения ведьм. По его мнению, подобная историческая практика не имела ни юридических, ни моральных, ни религиозных оправданий, но ее можно объяснить тем, что просто люди пытались разбавить скуку острыми ощущениями, и в народе считали: «Если увидишь, как сжигают одну ведьму, считай, что ты увидел их всех»¹⁸.

Возможно, Нисбет находит это объяснение вполне исчерпывающим, но в данном случае все-таки вряд ли скуку можно считать спасительной силой. Кстати, из его аргументации следует, что процессы сожжения ведьм были инициированы всеобщей скукой.

Скука – источник злоупотребления наркотиками, алкоголем, табаком. Скука провоцирует обжорство, тягу к азартным играм, промискуитет, вандализм, депрессию, агрессию, вражду, насилие, самоубийства, рискованные авантюры и т. д. На этот счет существует вполне конкретная статистика¹⁹. Я Кстати, никого не удивляет тот факт, что еще отцы церкви обнаружили связь между этими явлениями и рассматривали скуку как мать всех пороков (по-латыни *acedia* – самый страшный грех, который порождает другие грехи).

Тот факт, что скука имеет серьезные последствия для всего общества, а отнюдь не только для отдельных индивидов, не вызывает никаких сомнений. Но скука также очень серьезно влияет на индивида. Скука означает потерю смысла жизни, и это достаточно серьезный повод для ощущения душевного дискомфорта.

Я не считаю, что мир представляется бессмысленным, потому что человека охватывает скука, или человек начинает скучать, потому что мир представляется бессмысленным. Причинно-следственная связь вовсе не так проста. Но разумеется, не вызывает сомнений, что скука и отсутствие смысла жизни так или иначе взаимосвязаны.

В «Анатомии меланхолии», опубликованной в 1621 году, Роберт Бёртон утверждает: «Можно насчитать восемьдесят восемь степеней меланхолии, поскольку разные люди по-разному страдают ею и по-разному погружаются в этот ад»²⁰.

Лично я не в состоянии дифференцировать с такой же точностью разные степени скуки, но вполне возможно, что она начинается с чувства легкого дискомфорта и может закончиться ощущением бессмыслицы всего происходящего. Для многих из нас скука – преходящее ощущение, но не для всех. Если кто-нибудь жалуется на скуку, мы обычно говорим: «возьми себя в руки». Хотя, например, Людвиг Хольберг утверждал: «Нельзя требовать невозможного. Это все равно что потребовать, чтобы карлик стал великаном»²¹.

Почти все философы рассматривают феномен скуки как зло, хотя встречаются и исключения. Иоганн Георг Хаманн называл самого себя «Liebhaber der Langen Weile» – возлюбленным скуки. И когда друзья корили его за безделье, он отвечал, что работать легко, в то время как подлинное безделье весьма изнурительно для человека²². Эмиль Чоран при-

держивается сходного мнения: «Друзьям, которые твердили, что его скука вызвана бездельем, он отвечал: скука – состояние превосходства, и если ее осквернить идеей работы, то это все упрощает»²³.

Кстати, скука не является предметом изучения в университетах, хотя многие знают, что процесс учебы часто скучен. Впрочем, сейчас скуку не принято считать серьезной темой исследования философии, как это было ранее.

В современной философии, где почти все исследования превратились в вариации эпистемологии, скука рассматривается как феномен, который выпадает за рамки профессионального анализа. Занятия подобными темами вполне могут быть восприняты как явный признак интеллектуальной несостоятельности. Что ж, пусть так! Впрочем, если скука не может сегодня рассматриваться как вполне серьезная философская тема, это повод призадуматься над дальнейшей судьбой самой философии.

Философия, которая отрицает саму возможность исследования смысла жизни, вряд ли способна развиваться. Если мы потеряли смысл жизни и эта тема может выпасть за семантические рамки философии, то это не означает, что философия вообще не должна обращаться к этой теме.

Почему же скука становится философской, а не психологической или социологической проблемой? Впрочем, я не смог обнаружить критерии, по которым можно отличать проблемы философские от нефилософских. Людвиг Витген-

штейн, например, утверждал, что философскую проблему можно сформулировать следующим образом: «Я не могу сориентироваться»²⁴. Аналогичным образом Мартин Хайдеггер описывает движение философской мысли как шаг от незнания к знанию²⁵.

Каждая философская проблема есть своего рода потеря ориентации. А скука характеризуется тем, что человек уже не в состоянии сориентироваться в своем отношении к миру, поскольку само отношение к миру почти утрачено. Сэмюэль Беккет передает это экзистенциальное состояние через героя своего первого романа, через Белакву, таким образом:

*«Он был погружен в тупость, безликость, он потерял свое «я»_ Здания и леса, и все существа были столь же безлики, они были тенями и не выражали ни желания, ни побуждения_ Его существование потеряло ось или контуры, центр расплывался, как трясина, как болото, как тупая зыбь~»*²⁶

Скука обычно возникает тогда, когда мы не можем делать то, что мы хотим, или когда мы должны делать то, чего мы не хотим. Но что, если мы не имеем представления, чего мы хотим, что, если мы потеряли ориентиры в жизненном пространстве? Тогда мы погружаемся в скуку, которая напоминает безволие, потому что воля не имеет определенного ме-

стонахождения. Фернандо Пессоа описывает это состояние таю «страдать без страдания, желать без желания, думать, не имея мыслей»²⁷. И как показывает анализ феноменологии скуки Мартина Хайдеггера, подобный опыт может стать путешествием в глубь философии.

Скуке не хватает шарма меланхолии, шарма, который традиционно связывает меланхолию с мудростью, чувственностью и красотой. Поэтому скука не столь привлекательна для эстетов. Ей не хватает также серьезности депрессивного состояния, и потому она не слишком интересует психологов и психиатров. Сравнение с депрессией и меланхолией упрощает и вульгаризирует скуку, так что она становится недостойной темой для серьезных философских исследований.

Например, в фундаментальном (600 страниц) исследовании Петера Весселя Запффе «О трагическом» (1941) не попадает ни единого упоминания о скуке²⁸. Запффе затрагивает некоторые черты самого феномена, хотя и не называет его по имени. Можно лишь предположить, что скука представляется Запффе слишком обыденной и лишенной величия, по сравнению с категорией Трагического.

А между тем мы находим высказывания о скуке у выдающихся философов, таких, как Паскаль, Руссо, Кант, Шопенгауэр, Киркегор, Ницше, Хайдеггер, Беньямин и Адорно. О скуке писали великие Гёте, Флобер, Стендаль, Манн, Беккет, Бюхнер, Достоевский, Чехов, Бодлер, Леопарди, Пруст, Байрон, Элиот, Ибсен, Валери, Бернанос и Пессоа. Впрочем,

этот перечень неполон, а тема столь широка, что круг обозначенных имен весьма условен. Кстати, нельзя не отметить, что все эти писатели и философы принадлежат, безусловно, к новейшему времени.

Скука и современность

Сёрен Киркегор пишет: «Боги заскучали, потому что они создали человека. Адам скучал, поскольку был один, и потому он создал Еву. С этого мгновения в мире возникла скука, она стала всеобъемлющей, поскольку людей становилось все больше»²⁹.

Лично я не взял бы на себя смелость высказываться о богах, но Ницше утверждал, что Бог заскучал на седьмой день³⁰. Он также утверждал, что боги и сами безуспешно боролись со скукой³¹. Впрочем, я бы рискнул со всей уверенностью утверждать, что Адам, например, не скучал.

Скука – все-таки относительно новый феномен. Она связана, кстати, непосредственно с той самой мистерией, когда Адам и Ева вкусили от древа познания. А в раю не было места для скуки, поскольку все пространство заполняло присутствие Бога, который, казалось, находится так близко, что уже не приходилось размышлять над смыслом жизни – все и так было ясно. Точку зрения Киркегора разделяет, например, Генри Дэвид Торо: «Нет сомнения, что и самая скука и сплин, которые якобы исчерпали разнообразие и радости жизни, восходят еще ко временам Адама»³². Альберто Моравиа утверждал, что Адам и Ева скучали³³. Иммануил Кант считал, что Адам и Ева наверняка скучали, находясь в Ра-

ке³⁴. А Роберт Нисбет предполагает, что Бог сослал Адама и Еву из Рая и вышвырнул их в неведомое пространство, чтобы спасти их от скуки, которая царила в Рае³⁵.

Можно предположить, что определенные формы скуки существовали еще на заре истории. Например, я назвал бы «ситуативную скуку» – настроение, которое вызвано определенной суммой обстоятельств. А вот уже *экзистенциальная* скука характерна для новейшей эпохи. Впрочем, есть и исключения. Например, «Книга Екклесиаста, или Проповедника» начинается словами: «Суета сует – все суета...» А далее следует сентенция: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»³⁶. Кстати, вполне вероятно, что Соломон, характеризуя свою эпоху, выступал скорее как пророк, чем диагност. И пастор Лёкен – герой романа Арне Гарборга «Усталые люди», – возможно, был прав, утверждая, что Ветхий Завет адресован прежде всего современному человеку³⁷.

В произведениях Сенеки встречается понятие *taedium vitae* – усталость от жизни. Сенека описывает ощущения, напоминающие современную скуку³⁸. Впрочем, так случается часто – можно найти и другие более ранние тексты, которые описали и предвосхитили феномены более поздних времен.

Я не стал бы безоговорочно утверждать, что скука появилась в определенном месте, в определенный промежуток истории, но могу констатировать: скука была более или менее

подробно охарактеризована не ранее чем на переходе к романтизму. В эпоху романтизма скука, если можно так выразиться, демократизировалась и обрела широкую популярность.

Скука – «привилегия» современного человека. И если есть основания полагать, что радость и эмоции – относительно постоянные величины в истории, то скука, так сказать, драматическим образом нарастает. Мир определенно становится скучнее. Романтикам представлялось, что монахи и дворяне – маргинальный феномен. Долгое время скука оставалась статусным символом, и принадлежность к высшим слоям общества обеспечивала для нее материальный базис. Скука, внедренная во все слои общества, потеряла свою эксклюзивность. Кстати, есть основания полагать, что скука присуща почти всему западному миру.

В скуке всегда присутствует критический момент³⁹, потому что она выражает или определенную ситуацию, или явления, которые окрашены ощущением глубокой неудовлетворенности. С этой точки зрения любопытно вспомнить, например, творчество Франсуа де Ларошфуко, его максимы, которые в основном представляют собой остроумные высказывания или сентенции на тему французского придворного этикета. Вот одна из них: мы легко прощаем тех, кто наскучил нам, но не тех, кому наскучили мы сами⁴⁰.

При французском дворе скука считалась привилегией монархов, а скука, которую испытывали другие, например при-

дворные, толковалась иначе. Точно так же раньше понятие *acedia* истолковывалось как максимальное приближение к Богу. Считалось, что именно это чувство испытывают монахи, погружаясь в бездонную пустоту при чтении Священного Писания. А мог ли Бог при всем своем совершенстве быть скучным? Испытывать скуку в присутствии Бога означало бы, что у Бога есть недостатки.

Если скука обретает все большую популярность, значит, в обществе или в культуре есть серьезные недостатки мировоззренческого плана. А смысл жизни, конечно, воспринимается как единое целое. Мы социализируемся в поисках смысла жизни (насколько это возможно). И тогда простые составные части нашей жизни тоже обретают смысл. Другое, традиционное выражение для обозначения смысла жизни – «культура». Многие теоретики модернизма полагали, что культура рухнула и что ее заменила, например, цивилизация⁴¹.

Если скука захватывает все большее пространство, это значит, что утрачен и смысл жизни. Конечно, есть взаимосвязь между общим смыслом и частными смыслами, иными словами, между культурой, с одной стороны, и культурными продуктами, с другой. Так что мы можем задать вопрос: в какой степени те или иные объекты или явления отмечены печатью культуры? Можно вспомнить выражение Хайдеггера: «Вещи продлевают вещи», иными словами, вещи имеют для человека лишь теоретическое значение. А если сформу-

лировывать вопрос иначе, то он звучит так: соотносятся ли вещи с культурой?

Следует отметить, что никаких достоверных исследований о том, какое количество людей страдает от скуки, не существует. Эти цифры сильно варьируются в разных исследованиях, так что сама по себе методика диагностики феномена более или менее объективным образом не представляется надежной⁴². Поэтому мы не имеем возможности, за неимением достоверных сведений, подсчитать, каково число тех, кто страдает от скуки – уменьшается ли оно, увеличивается, или же оно постоянно.

Например, не являются ли индустрия развлечений и потребление крепких алкогольных напитков, в сущности, явными индикаторами распространенности скуки? Те, кто смотрят телевизор по четыре часа ежедневно, может быть, и не считают, что страдают от скуки, но в таком случае почему же они тратят 25 процентов своего дневного времени на телевидение? Конечно, этот феномен можно было бы объяснить ленью, но ведь лень предоставляет массу свободного времени, которое можно потратить на тысячу других занятий. Впрочем, телевизор можно назвать самым гениальным из технических изобретений, которое позволяет столь эффективно убивать время. Единственное объяснение времяпрепровождения у телевизора по многу часов по вечерам – это либо переизбыток времени, либо ощущение дискомфорта. Впрочем, многие из нас вполне преуспели в том, чтобы

убивать время.

Самые гиперактивные из нас – именно те, кто меньше всего подвержен атакам скуки. Мы почти всегда ощущаем глобальную нехватку «убитого» времени и легко меняем свои увлечения, потому что не выносим пустого незаполненного времени. Парадокс состоит в том, что это вроде бы плотно занятое время кажется пугающе пустым, когда мы оглядываемся назад. Скука связана с движением времени, времени, которое скорее открывает горизонты для возможностей, чем двигается само.

Здесь уместно процитировать высказывание Ханса Георга Гадамера:

«Что именно движется во времени? Умирает ли время, которое миновало? Время умирает в пустоте, пустоте, которая длилась слишком долго и из которой возникла мучительная скука»⁴³.

Человек, пребывающий в скуке, не знает, как ему потратить время, поскольку именно свойства скуки препятствуют реализации любых возможностей.

В связи с этим было бы интересно проследить историю и частоту употребления слова «скука». Слово boredom в английском языке встречается не ранее чем в 1760-е годы и имеет прогрессирующую частоту употребления⁴⁴.

Немецкое слово Langeweile возникло двумя десятилетия-

ми раньше и имеет древненемецких предшественников, но это свидетельствует только о большей протяженности во времени, а не об опыте.

Датчане рано начали употреблять слово *ked-somhet*, которое вначале было зарегистрировано в недатированном рукописном словаре Маттиаса Мота (составленном приблизительно в 1647–1719 гг.)⁴⁴.

Можно предположить, что датский корень *ked* этимологически примыкает к латинскому *acedia*, хотя, впрочем, у меня недостаточно фактов, чтобы утверждать это наверняка.

В целом же слово «скука» в разных языках имеет весьма расплывчатую этимологию. Французское *ennui* и итальянское *noia* через провансальское *epojo* имеют общий корень в латинском *inodiare* (ненавидеть или питать отвращение) и восходят к XIII веку. Но эти слова не так уж применимы к нашим задачам, потому что тесно связаны с *acedia* – меланхолией и глобальной тоской. Тот же случай с английским словом *spleen*, которое восходит к XVI веку.

Норвежский словарь *riskmola* впервые понятие *kjedsomhet* фиксирует у Генрика Ибсена и у Амалии Скрам, хотя, конечно, кажется невероятным, что невозможно найти более ранние упоминания этого слова:

«Усталые люди» (1891) Арне Гарборга – первый норвежский роман о скуке. Его главный герой Габриэль Грам пребывает в постоянном состоянии побега от скуки и тоскует по утраченному – то ли по женщине, то ли по Богу.

Я все-таки склонен полагать, что все эти понятия – boredom, Langeweile и kjedsomhet возникли почти одновременно и что они более или менее синонимичны. Совершенно очевидно также и то, что они принадлежат к целому понятийному комплексу, который имеет глубокие исторические корни.

«Скучно» – одно из наиболее популярных выражений в языке, оно обычно используется для обозначения целого ряда чувственных ощущений и бессмысленности в самых разных ситуациях. Многие описания скуки в истории литературы очень похожи друг на друга, в основном это жалобы на то, что ничто не интересно, а также констатация факта, что это невыносимое испытание.

Киркегор описывал это так:

*Как, однако, скука... ужасно скучна. Более верного или сильного определения я не знаю: равное выражается лишь равным. Если бы нашлось выражение более сильное, оно нарушило бы эту всеподавляющую косность. Я лежу пластом, ничего не делаю. Куда ни погляжу – везде пустота: живу в пустоте, дышу пустотой. И даже боли не ощущаю*⁴⁷

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.